

Чехов Антон Павлович

Пестрые рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
Пестрые рассказы / Чехов Антон Павлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 382 с.

ISBN 978-5-521-30193-5

ISBN 978-5-521-30193-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КОНЬ И ТРЕПЕТНАЯ ЛАНЬ.

Третій часъ ночи. Супруги Фибровы не спятъ. Опъ ворочается съ боку на бокъ и то и дѣло сплевываетъ, опа, маленька, худощавая брюнеточка, лежитъ неподвижно и задумчиво смотритъ на открытое окно, въ которое пелюдимо и сурово глядится разсвѣтъ...

— Не спится! вздыхаетъ опа.—Теби мутитъ?

— Да, немпожко.

— Не понимаю, Вася, какъ тебѣ не надоѣстъ каждый день являться домой въ такомъ видѣ! Не проходитъ ночи, чтобъ ты не былъ боленъ. Стыдно!

— Ну, извини... Я это печально. Выпилъ въ редакціи бутылку пива, да въ „Аркадіи“ немножко перепустилъ. Извини.

— Да что извинять? Самому тебѣ должно быть противно и гадео. Плюеть, икаетъ... Богъ знаетъ, па что похожъ. И вѣдь это каждую ночь, каждую ночь! Я не помню, когда ты являлся домой трезвымъ?

— Я не хочу пить, да оно какъ-то само собой пьется. Должность такая апаемская. Цѣлый день по городу рыскаешь. Тамъ рюмку выпьешь, въ другомъ мѣстѣ пива, а тамъ, глядь, чрітель пьюцій встрѣтился... пельзя не выпить. А иной разъ

и свѣдѣнія не получишь безъ того, чтобъ съ какой-нибудь свиньею бутылку водки не стрескать. Сегодня, напримѣръ, на пожаръ нельзя было съ агентомъ не выпить.

— Да, проклятая должность! вздыхаетъ брюнетка.—Бросилъ бы ты ее, Вася!

— Бросить? Какъ можно!

— Очень можно. Добро бы ты писатель настоящій былъ, писалъ бы хорошіе стихи или повѣсти, а то такъ, репортеръ какой-то, про кражи да пожары пишешь. Такіе пустяки пишешь, что иной разъ и читать совѣстно. Хорошо бы еще, пожалуй, еслибъ зарабатывалъ много, этакъ рублей двѣсти-триста въ мѣсяцъ, а то получаешь какіе-то несчастные пятьдесятъ рублей, да и то не аккуратно. Живемъ мы бѣдно, грязно. Квартира прачешной пропахла, кругомъ все мастеровые да развратныя женщины живутъ. Цѣлый день только и слышишь неприличныя слова и пѣсни. Ни мебели у насъ, ни бѣлья. Ты одѣтъ неприлично, бѣдно, такъ что хозяйка на тебя тыкаетъ, я хуже модистки всякой. Ъдимъ мы хуже всякихъ поденщиковъ... Ты гдѣ-то на сторонѣ въ трактирахъ какую-то дрянъ ѣшь, и то, вѣроятно, не на свой счетъ, я... одному только Богу извѣстно, что я ѣмъ. Ну, будь мы какіе-нибудь плебеи, необразованные, тогда бы помирилась я съ этимъ житьемъ, а то вѣдь ты дворянинъ, въ университетѣ кончилъ, по-французски говоришь. Я въ институтѣ кончила, избалована.

— Погоди, Катюша, пригласятъ меня въ „Куриную Слѣпоту“ отдѣлъ хроники вести, тогда иначе заживемъ. Я номеръ тогда возьму.

— Это ужъ ты мнѣ третій годъ обѣщаешь. Да что толку, если и пригласятъ? Сколько бы ты ни получалъ, все равно пропьешь. Не перестанешь же водить компанію со своими писателями и актерами! А знаешь что, Вася? Написала бы я къ дядѣ Дмитрію Ѳедорычу въ Тулу. Нашелъ бы опъ тебѣ прекрасное мѣсто гдѣ-нибудь въ банѣ или вазенномъ учрежденіи. Хорошо, Вася!

Ходилъ бы ты, какъ люди, на службу, получалъ бы каждое 20-е число жалованье—и горя мало! Наняли бы мы себѣ домъ особнячекъ съ дворомъ, съ сараями, съ сѣнникомъ. Тамъ за двѣсти рублей въ годъ отличный домъ можно нанять. Купили бы мебели, посуды, скатертей, наняли бы кухарку и обѣдали бы каждый день. Пришелъ бы ты со службы въ три часа, взглянулъ на столъ, а на немъ чистенькіе приборы, редиска, закуска разная. Завели бы мы себѣ куръ, утокъ, голубей, купили бы корову. Въ провинціи, если не роскошно жить и не пропивать, все это можно имѣть за тысячу рублей въ годъ. И дѣти бы наши не умирали отъ сырости, какъ теперь, и мнѣ бы не приходилось таскаться то и дѣло въ больницу. Вася, Богомъ молю тебя, поѣдемъ жить въ провинцію!

— Тамъ съ дикарями отъ скуки подохнешь.

— А здѣсь развѣ весело? Ни общества у насъ, ни знакомства... Съ чистенькими, мало-мальски порядочными людьми у тебя только дѣловое знакомство, а семейно ни съ кѣмъ ты не знакомъ. Кто у насъ бываетъ? Ну, кто? Эта Клеопатра Сергѣевна. По твоему, она знаменитость, фельетоны музыкальные пишетъ, а по моему—она содержанка, распущенная женщина. Ну, можно ли женщинѣ пить водку и при мужчинахъ корсетъ снимать? Пишетъ статьи, говоритъ постоянно о честности, а какъ взяла въ прошломъ году у меня рубль займы, такъ до сихъ поръ не отдаетъ. Потомъ, ходитъ къ тебѣ этотъ твой любимый поэтъ. Ты гордишься, что знакомъ съ такой знаменитостью, а разсуди ты по совѣсти: стоитъ ли онъ этого?

— Честнѣйшій человѣкъ!

— Но веселаго въ немъ очень мало. Приходитъ къ намъ для того только, чтобы напиться... Пьетъ и рассказываетъ неприличные анекдоты. Третьяго дня, напимѣръ, нализался и проспалъ здѣсь на полу цѣлую ночь. А актеры! Когда я была дѣвушкой, то боготворила этихъ знаменитостей, съ тѣхъ поръ

же, какъ вышла за тебя, я не могу на театрѣ глядѣть равнодушно. Вѣчно пьяны, грубы, не умѣютъ держать себя въ жепскомъ обществѣ, надменны, ходятъ въ грязныхъ ботфортахъ. Ужасно тяжелый народъ! Не понимаю, что веселаго ты находишь въ ихъ анекдотахъ, которые они рассказываютъ съ громкимъ, хриплымъ смѣхомъ! И глядишь ты на нихъ какъ-то заискивающе, словно одолженіе дѣлаютъ тебѣ эти знаменитости, что знакомы съ тобой... Фи!

— Оставь, пожалуйста!

— А тамъ, въ провинціи, ходили бы къ намъ чиновники, учителя гимназій, офицеры. Народъ все воспитанный, мягкій, безъ претензій. Папьются чаю, выпьютъ по рюмкѣ, если подашь, и уйдутъ. Ни шуму, ни анекдотовъ, все такъ степенно, деликатно. Сидятъ, знаешь, на креслахъ и на диванѣ и разсуждаютъ о разныхъ разностяхъ, а тутъ горничная разноситъ имъ чай съ вареньемъ и съ сухариками. Послѣ чаю играютъ на роили, поютъ, пляшутъ. Хорошо, Вася! Часу въ двѣнадцатомъ легонькая закуска: колбаса, сыръ, жаркое, что отъ обѣда осталось... Послѣ ужина ты идешь дамъ провожать, а я остаюсь дома и прибираю.

— Скучно, Катюша!

— Если дома скучно, то ступай въ клубъ, или на гулянье... Здѣсь на гуляньяхъ души знакомой не встрѣтишь, поневолѣ запьешь, а тамъ кого ни встрѣтишь, всякій тебѣ знакомъ. Съ кѣмъ хочешь, съ тѣмъ и бесѣдуй... Учителя, юристы, доктора—есть съ кѣмъ умное слово сказать... Образованными тамъ очень интересуются, Вася! Ты бы тамъ однимъ изъ первыхъ былъ...

И долго мечтаетъ вслухъ Катюша... Сѣро-свинцовый свѣтъ за окномъ постепенно переходитъ въ бѣлый... Тишина почти незамѣтно уступаетъ свое мѣсто утреннему оживленію. Репортеръ не спитъ, слушаетъ и то и дѣло приподнимаетъ свою тяжелую голову, чтобы сплунуть... Вдругъ, неожиданно для Катюши опъ

дѣлаетъ рѣзкое движеніе и вскакиваетъ съ постели... Лицо его блѣдно, на лбу потъ...

— Чертовски меня мутитъ, перебиваетъ онъ мечтанія Катюши. — Постою, я сейчасъ...

Накинувъ на плечи одѣяло, онъ быстро выбѣгаетъ изъ комнаты. Съ нимъ происходитъ непріятный казусъ, такъ знакомый по своимъ утреннимъ посѣщеніямъ пьющимъ людямъ. Минуты черезъ двѣ онъ возвращается блѣдный, томный... Его пошатываетъ... На лицѣ его выраженіе омерзѣнія, отчаянія, почти ужаса, словно онъ сейчасъ только понялъ всю внѣшнюю неприглядность своего житья-бытья. Дневной свѣтъ освѣщаетъ передъ нимъ бѣдность и грязь его комнаты, и выраженіе безнадежности на его лицѣ становится еще живѣе.

— Катюша, напиши дядѣ! бормочетъ онъ.

— Да? Ты согласенъ? торжествуетъ брюнетка. — Завтра же напишу и даю тебѣ честное слово, что ты получишь прекрасное мѣсто! Вася, ты это... не нарочно?

— Катюша, прошу... ради Бога...

И Катюша опять начинаетъ мечтать вслухъ. Подъ звукъ своего голоса и засыпаетъ она. Снится ей домъ особнячекъ, дворъ, по которому солидно шагаютъ ея собственныя куры и утки. Она видитъ, какъ изъ слухового окна глядятъ на нее голуби, и слышитъ, какъ мычитъ корова. Кругомъ все тихо: ни сосѣдей-жильцовъ, ни хриплаго смѣха, не слышно даже этого ненавистнаго, спѣшащаго скрипа перьевъ. Вася чинно и благо-родно шагаетъ около палисадника къ калиткѣ. Это идетъ онъ на службу. И душу ея наполняетъ чувство покоя, когда ничего не желается, мало думается...

Къ полудню просыпается она въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа. Сонъ благотворно повліялъ на нее. Но вотъ, протеревъ глаза, она глядитъ на то мѣсто, гдѣ такъ недавно ворочался Вася, и обхватывавшее ее чувство радости сваливается съ нея,

какъ тяжелая пуля. Вася ушелъ, чтобы возвратиться поздно ночью въ нетрезвомъ видѣ, какъ возвращался онъ вчера, третьего дня... всегда... Опять она будетъ мечтать, опять на лицѣ его мелькнутъ омерзѣнiе.

— Незачѣмъ писать дядѣ! вздыхаетъ она.

ДОВОДЪТЕЛЬНЫЙ КАБАТЧИКЪ.

(ПЛАЧЪ ОСКУДѢВШАГО).

— «Подай, голубчикъ, холоденькой закусочки... Ну и... водочки...»
(Надѣробная эпиграфа).

Съѣжу теперь, тоскую и мудрствую.

Во время оно въ родовой усадьбѣ моей были куры, гуси, индѣйки — птица глупая, перасудительная, но весьма и весьма вкусная. На моемъ конскомъ заводѣ плодились и размножались «ахъ вы, копи мои, копи»... мельницы не стояли безъ дѣла, копи уголь давали, бабы малину собирали. На десятинахъ преизбыточествовали флора и фауна, хочешь — ѣшь, хочешь — зоологіей занимайся... Можно было и въ первомъ ряду посидѣть, и въ картишки поиграть, и содержаночкой похвастать...

Теперь не то, совсѣмъ не то!

Годъ тому назадъ, на Ильинъ день, сидѣлъ я у себя на террасѣ и тосковалъ. Передо мной стоялъ чайникъ, засыпанный рублевымъ чаемъ... На душѣ кошки скребли, ревѣть хотѣлось...

Я тосковалъ и не замѣтилъ, какъ подошелъ ко мнѣ Ефимъ Цуцниковъ, кабатчикъ, мой бывшій крѣпостной. Онъ подошелъ и почтительно остановился возлѣ стола.

— Вы бы приказали, баринъ, крышу выкрасить! сказалъ

опъ, ставя на столъ бутылку воды.—Крыша желѣзная, безъ краски ржавѣтъ. А ржа, извѣстно, ѣстъ... Дыры будутъ!

— За какія же деньги я выкрашу, Ефимушка? говорю я.— Самъ знаешь...

— Займите-съ! Дыры будутъ, ежели... Да приказали бы еще, баринъ, сторожа въ садъ принанять... Деревья воруютъ!

— Ахъ, опять-таки пужны деньги!

— Я дамъ... Все одно, отдадите. Не въ первый разъ берете-то...

Отвалили мнѣ Цуцыковъ пятьсотъ цѣлковыхъ, взялъ вексель и ушелъ. По уходѣ его, я подперъ голову кулаками и задумался о народѣ и его свойствахъ... Хотѣлъ даже въ „Русь“ статью писать...

— Благодарствуетъ мнѣ, великодушничаютъ... за что? За то, что я его... сѣкъ когда-то... Какое отсутствіе злопамятности! Учитесь, иностранцы!

Черезъ недѣлю загорѣлся у меня во дворѣ сарайчикъ. Первымъ прибѣжалъ на пожаръ Цуцыковъ. Онъ собственноручно разнесъ сарайчикъ и притащилъ свои брезенты, чтобы въ случаѣ чего укрыть ими мой домъ. Онъ дрожалъ, былъ красенъ, мокръ, точно свое добро отстаивалъ.

— Теперь новый строить нужно, сказалъ онъ мнѣ послѣ пожара.—У меня лѣсокъ есть, приплю... Приказали бы, баринъ, прудикъ почистить... Вчерась карасей ловили и весь неводъ о водоросль разорвали... Триста рублей стоитъ... Возьмите! Не впервой берете-то...

И такъ далѣе... Почистили прудъ, выкрасили всѣ крыши, ремонтировали конюшни—и все это на деньги Цуцыкова.

Недѣлю тому назадъ приходитъ ко мнѣ Цуцыковъ, стапавшись у дверей и почтительно кашляетъ въ кулакъ.

— И не узнаешь теперь вашей усадьбы-то, говоритъ онъ.—

Графу, аль князю въ пору жить... И пруды вычистили, и озимь посѣяли, лошадушекъ завели...

— А все ты, Ефимушка! говорю я, чуть не плача отъ умиленія.

Встаю и самымъ искреннѣйшимъ образомъ обнимаю мужика...

— Богъ дастъ, дѣла поправятся, все отдамъ, Ефимушка... Съ процентами. Дай мнѣ еще разъ обнять тебя!

— Все починили и благоустроили... Помогъ Богъ! Осталось теперь одно только: лисицу отседа выкурить...

— Какую лисицу, Ефимушка?

— Извѣстно, какую...

И, помолчавъ немного, Цудыковъ добавляетъ:

— Судебный приставъ тамъ пріѣхалъ... Вы бутылки приберите-то... Неравно приставъ увидить... Подумасть, что у меня въ имѣніи только и дѣла, что пьянство... Фатеру прикажете вамъ въ деревнѣ нанять, аль въ городъ поѣдете?

Сажу теперь и мудрствую.

ДОЧЬ АЛЬБИОНА.

Къ дому помѣщика Грябова подкатила прекрасная коляска съ каучуковыми шинами, толстымъ кучеромъ и бархатнымъ сидѣньемъ. Изъ коляски выскочилъ уѣздный предводитель дворянства Ѳедоръ Андреевичъ Отцовъ. Въ передней встрѣтилъ его сонный лакей.

— Господа дома? спросилъ предводитель.

—, Никакъ нѣтъ-съ... Барыня съ дѣтьми въ гости поѣхали, а барицъ съ мамзелью гувернанткой рыбу ловятъ-съ... Съ самого утра-съ.

Отцовъ постоялъ, подумалъ и пошелъ къ рѣкѣ искать Гривова. Нашелъ онъ его версты за двѣ отъ дома, подойдя къ рѣкѣ. Поглядѣвъ внизъ съ крутого берега и увидѣвъ Гривова, Отцовъ прыснулъ... Гривовъ, большой, толстый человѣкъ съ очень большой головой, сидѣлъ на песочкѣ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги, и удилъ. Шляпа его была на затылкѣ; галстукъ сползъ на-бокъ. Возлѣ него стояла высокая, тонкая англичанка съ выпуклыми рачьими глазами и большимъ птичьимъ посомъ, похожимъ скорѣй на крючекъ, чѣмъ на носъ. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье, сквозь которое сильно просвѣчивали тощія, желтыя плечи. На золотомъ полсѣ висѣли золотыя часики. Она тоже удила. Вокругъ обоихъ царила гробовая тишина. Оба были неподвижны, какъ рѣка, на которой плавали ихъ поплавки.

— Охота смертная, да участь горькая! засмѣялся Отцовъ.— Здравствуй, Иванъ Кузьмичъ!

— А... это ты? спросилъ Гривовъ, не отрывая глазъ отъ воды.— Приѣхалъ?

— Какъ видишь... А ты все еще своей ерупдой занимаешься? Не отвыкъ еще?

— Кой чортъ... Весь день ловлю, съ утра... Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймалъ ни я, ни эта кикимора. Сидимъ, сидимъ и хоть бы одинъ чортъ! Просто хоть караулъ кричи...

— А ты наплюй... Пойдемъ водку пить!

— Постой... Можетъ быть, что-нибудь да поймалъ. Подъ вечеръ рыба клюетъ лучше... Сижу, братъ, здѣсь съ самаго утра! Такая скучища, что и выразить тебѣ не могу! Дернулъ же меня чортъ привыкнуть къ этой ловлѣ! Знаю, что чепуха, а сижу! Сижу, какъ подлецъ какой-нибудь, какъ каторжный, и на воду гляжу, какъ дуракъ какой-нибудь! На покосъ надо ѣхать, а я рыбу ловлю... Вчера въ Хапоньевѣ преосвященный служилъ,

а я не поѣхалъ, здѣсь просидѣлъ вотъ съ этой стерлядью... съ чертовкой съ этой...

— Но... ты съ ума сошелъ? спросилъ Отцовъ, конфузливо косясь на англичанку.—Брапишься при дамѣ... и ее же...

— Да чортъ съ ней! Все одно, ни бельмеса по-русски не смыслить. Ты ее хоть хвали, хоть брапи—ей все равно! Ты на носъ посмотри! Отъ одного носа въ обморокъ упадешь! Сидимъ по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ, и хоть бы одно слово! Стоитъ, какъ чучело, и бѣльмы на воду таращить!

Англичанка зѣвнула, пережѣвала червячка и закинула удочку.

— Удивляюсь, братъ, я не мало! продолжалъ Грябовъ.— Живетъ дурища въ Россіи десять лѣтъ, и хоть бы одно слово по-русски!.. Нашъ какой-нибудь аристократинка поѣдетъ къ нимъ и живо по ихнему брехать научится, а они... чортъ ихъ знаетъ! Ты посмотри на носъ! На носъ ты посмотри!

— Ну, перестань... Неловко... Чего напалъ на женщину?

— Она не женщина, а дѣвица... О женихахъ, небось, мечтаетъ, чортова кукла. И пахнетъ онъ ней какою-то гнилью... Возненавидѣлъ, братъ, ее! Видѣть равнодушно не могу! Какъ взглянетъ на меня своими глазами, такъ меня и покоробить, словно я локтемъ о перила ударился. Тоже любить рыбу ловить. Погляди: ловить и священнодѣйствуетъ. Съ презрѣніемъ на все смотреть... Стоитъ каналья и сознаетъ, что она человѣкъ и что, стало быть, она царь природы... А знаешь, какъ ее зовутъ? Уилька Чарльзовна Тфайсъ! Тѣфу!.. и не выговоришь!

Англичанка, услышавъ свое имя, медленно повела носъ въ сторону Грябова и измѣрила его презрительнымъ взглядомъ. Съ Грябова подняла она глаза на Отцова и его облила презрѣніемъ. И все это молча, важно и медленно.

— Видалъ? спросилъ Грябовъ, хохоча.—Нате, молъ, вамъ! Ахъ ты, киемор! Для дѣтей только и держу этого тритона. Не будь дѣтей, я бы ее и за десять верстъ къ своему имѣнію